

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АБОРТА

М. А. Горбатова

Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Статья посвящена вопросам квалификации незаконного производства аборта. Проблемы привлечения к уголовной ответственности за совершение данного преступления, по мнению автора, связаны с несогласованностью норм уголовного законодательства и законодательства в сфере охраны здоровья граждан. В статье проводится анализ требований, предъявляемых к операции, на основании чего определяются признаки незаконного проведения искусственного прерывания беременности. Анализируя признаки состава преступного производства аборта и судебную практику по делам данной категории, автор приходит к выводу о том, что в целях надлежащей уголовно-правовой охраны репродуктивного здоровья женщин необходимо внести изменения в диспозицию ст. 123 УК РФ, касающиеся, во-первых, используемой медицинской терминологии, а во-вторых, расширения круга субъектов рассматриваемого преступления.

Ключевые слова: незаконное производство аборта, преступное прерывание беременности.

Согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве [1, ч. 1 ст. 56]. Однако к производству этой операции предъявляются довольно жесткие требования, обеспечивающие ее максимально возможную безопасность.

В соответствии с данным законом незаконное проведение искусственного прерывания беременности влечет за собой уголовную ответственность, установленную законодательством РФ [1, ч. 8 ст. 56]. Предполагается, что данной нормой корреспондирует ст. 123 УК РФ «Незаконное производство аборта».

Однако сразу заметна несогласованность названных норм – уголовное законодательство оперирует понятием «производство аборта», в то время как законодательство в сфере охраны здоровья граждан говорит об искусственном прерывании беременности.

Дело в том, что в медицине аборт признается самопроизвольное или искусственное прерывание беременности на сроке менее 22 недель. Если беременность прекращается позже, до 37 недель включительно, то речь идет о преждевременных родах. Поэтому применение термина «аборт» ко всем случаям искусственного прерывания беременности независимо от ее срока является неоправданным.

Что касается юридического понятия аборта, то исходя из смысла уголовно-правовой нормы, оно, с одной стороны, уже медицинского, так как не охватывает собой самопроизвольное прерывание беременности, а с другой – шире, так как распространяется на весь срок беременности.

В связи с этим полагаем, что в уголовном законе должна быть установлена уголовная ответственность за незаконное прерывание беременности. Тем более, что судебная практика, пытаясь самостоятельно устранить имеющееся противоречие, вынуждена использовать понятие «аборт» применительно к незаконному прерыванию беременности на любом сроке. Так, Бикинский городской суд Хабаровского края признал М. виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 123 УК РФ, так как «ее действия повлекли прерывание беременности (аборт) у потерпевшей на сроке 24 недели с развитием выкидыша и внутриутробной гибелью плода».

В отличие от названия ст. 123 УК РФ, в ее диспозиции законодатель не требует, чтобы прерывание беременности было незаконным: уголовная ответственность установлена лишь за производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Требования к проведению искусственного прерывания беременности сформулированы в

ранее названном Федеральном законе [1, ст. 56], в Постановлении Правительства РФ «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» [2], в Приказе Минздравсоцразвития РФ «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» [3], в Инструкции о порядке проведения операции искусственного прерывания беременности и Инструкции о порядке разрешения искусственного прерывания беременности в поздние сроки по социальным показаниям [4].

В соответствии с ч. 1, 2 ст. 56 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (далее ФЗ № 323) искусственное прерывание беременности проводится по желанию женщины при наличии информированного добровольного согласия при сроке беременности до 12 недель.

При наличии социальных показаний, которые определяются Правительством РФ, беременность может быть прервана на более поздних сроках – до 22 недель. До августа 2003 года социальных показаний было 13, в феврале 2012 года их число сократили до четырех: наличие у женщины решения суда о лишении или об ограничении ее родительских прав, беременность в результате изнасилования, пребывание женщины в местах лишения свободы, наличие инвалидности I–II группы у мужа или смерть мужа во время беременности. В настоящее время единственным социальным показанием является беременность в результате изнасилования [2].

Вопрос о прерывании беременности в этом случае решается в учреждениях, получивших лицензию на медицинскую деятельность, комиссией в составе руководителя учреждения, врача акушера-гинеколога, юриста, специалиста по социальной работе (при его наличии). Комиссия рассматривает письменное заявление женщины, заключение врача акушера-гинеколога о сроке беременности, документы, подтверждающие наличие социальных показаний для искусственного прерывания беременности [4].

Каким же документом может быть подтвержден факт наступления беременности в результате изнасилования, с позиции уголовного права не совсем понятно.

Если это заключения судебно-медицинской экспертизы по поводу установления признаков совершения полового акта и по поводу установления наличия и срока беременности,

то для принятия решения о прерывании беременности вполне достаточно общего срока, на котором разрешается прерывать беременность всем женщинам, – 12 недель. Но в этом случае факт совершения изнасилования в отношении женщины остается недоказанным, точно так же, как и факт наступления данной беременности в результате изнасилования.

Если же таким документом признавать обвинительный приговор суда, то тогда вряд ли будет достаточно и установленного срока в 22 недели, так как между совершением изнасилования (наступлением беременности) и вступлением приговора в законную силу может пройти полгода. А если женщина решила не обращаться в полицию, или преступление осталось нераскрытым, шансов законно прервать беременность на поздних сроках у нее не остается.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Почему был сокращен перечень социальных показаний для прерывания беременности на поздних сроках, и в нем осталось только наступление беременности в результате изнасилования? Почему столько внимания уделяется именно социальным показаниям? Ведь по данным статистики доля аборт по этим показаниям в общем числе зарегистрированных аборт очень мала: от 0,9 % в 1992 году до 0,05 % в 2010 году [8].

По мнению Минздравсоцразвития РФ, сохранение расширенного перечня социальных показаний к прерыванию беременности «способствует формированию у населения мнения о доступности аборт на сроке свыше 12 недель». Согласно пояснительной записке аборт по социальным показаниям выполняются в поздние сроки беременности, что сопровождается значительным числом осложнений. В связи с этим прерывание беременности на таких сроках необходимо проводить только по медицинским показаниям, когда беременность представляет угрозу для жизни женщины и когда произошло изнасилование.

В то же время представители Русской Православной Церкви не скрывают, что такое решение было принято Правительством РФ после достижения договоренности между РПЦ и Минздравсоцразвития РФ как о сокращении перечня социальных показаний для прерывания беременности, так и по другим положениям, нашедшим отражение в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (например, введение обязательного времени

ожидания перед операцией по прерыванию беременности и установление права врача в уведомительном порядке отказаться от проведения данной операции) [6].

Поэтому, думается, что не исключен политический мотив в принятии решений по вопросам правового регулирования прерывания беременности, отражающий готовность государства идти на уступки РПЦ. И есть опасения, что на этом ограничения женщин в праве на прерывание беременности не закончатся. Вместе с тем снизить количество незаконных аборт подобными мерами вряд ли удастся, и подтверждений тому предостаточно, как в опыте зарубежных стран, так и в истории нашего государства. Чем больше ограничена женщина в вопросах принятия решений о прерывании беременности, тем выше уровень криминальных аборт и детоубийств.

Согласно ч. 4, 6 ст. 56 ФЗ № 323 беременность может быть прервана на любом ее сроке при наличии медицинских показаний. Перечень медицинских показаний для искусственного прерывания беременности утверждается Приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации [3]. Перечень предусматривает не только наименование заболевания, а также его форму, стадию, степень и фазу, но и в некоторых случаях – порядок принятия решения о прерывании беременности.

В соответствии с Инструкцией о порядке проведения операции для получения направления на операцию женщина обращается к врачу акушеру-гинекологу, который производит обследование для определения срока беременности и исключения медицинских противопоказаний к операции [4]. При отсутствии медицинских противопоказаний женщине выдается направление в лечебно-профилактическое учреждение.

Согласно срокам, впервые установленным в ФЗ № 323, операция должна быть проведена:

1) не ранее 48 часов с момента обращения женщины в медицинскую организацию для искусственного прерывания беременности:

а) при сроке беременности 4–7 недель;

б) при сроке беременности 11–12 недель, но не позднее окончания 12 недели беременности;

2) не ранее 7 дней с момента обращения женщины при сроке беременности 8–10 недель.

Очевидная цель данного нововведения – дать женщине возможность еще раз подумать о необходимости аборт и, возможно, сохранить беременность. Вместе с тем, как считают медики, чем позднее делается аборт, тем больше осложнений для здоровья пациентки. А на раннем сроке счет вообще идет на дни – когда еще можно обойтись без операции, с помощью медикаментов [7].

Искусственное прерывание беременности разрешается проводить в амбулаторно-поликлинических учреждениях в ранние сроки беременности, а также при сроке беременности до 12 недель – но только в условиях дневных стационаров, организованных на базе лечебно-профилактических учреждений, имеющих условия для оказания квалифицированной медицинской помощи, в том числе экстренной хирургической, реанимационной и интенсивной.

В стационаре, имеющем условия для оказания квалифицированной медицинской помощи, искусственное прерывание беременности производится на сроке до 12 недель у женщин с отягощенным акушерским анамнезом и гинекологической патологией, при наличии аллергических заболеваний, а также на поздних сроках беременности.

Таким образом, искусственное прерывание беременности будет законным, если оно проведено в соответствии со всеми предъявляемыми требованиями. Отсюда прерывание беременности следует признать незаконным в том случае, если оно совершено:

1) с нарушением порядка разрешения операции;

2) с нарушением порядка проведения операции (в ненадлежащих условиях, ненадлежащим субъектом и т.д.);

3) с нарушением установленных сроков;

4) при наличии медицинских противопоказаний к операции;

5) без информированного согласия беременной женщины;

6) с нарушением иных правил, предусмотренных ФЗ № 323 и соответствующими подзаконными нормативными актами.

При этом не любое незаконное прерывание беременности является преступным и влечет уголовную ответственность. Как следует из диспозиции ч. 1 ст. 123 УК РФ, законодатель признает преступлением лишь производство аборт лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля. Следует отметить, что пре-

ступным признается и прерывание беременности без согласия потерпевшей, однако оно должно квалифицироваться по ст. 111 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

По смыслу закона, если субъект обладает признаками, указанными в диспозиции ст. 123 УК РФ, то для привлечения его к уголовной ответственности неважно, выполнял ли он требования нормативных актов. Поэтому суду не обязательно устанавливать, какие еще требования к производству данной операции были нарушены виновным. Тем не менее чаще всего в приговорах, помимо указания на признаки ненадлежащего субъекта, суды ссылаются на конкретные требования нормативных актов, которые были нарушены виновным при производстве аборта.

Из уголовного закона следует, что виновными в данном преступлении могут быть любые лица, не имеющие высшего медицинского образования и сертификата акушера-гинеколога: врачи иных специальностей, фельдшеры, медсестры и другие медицинские работники, а также лица, которые вообще не имеют никакого отношения к медицине.

Таким образом, потенциальную опасность действий по производству аборта для здоровья или жизни беременной женщины законодатель связывает лишь с нарушением требования проводить прерывание беременности только врачами, имеющими специальную подготовку. Однако любое прерывание беременности может привести к нежелательным последствиям, а уж тем более производство незаконного аборта, хотя и осуществленного надлежащим субъектом.

К тяжким последствиям часто приводит незаконное прерывание беременности на поздних сроках, когда у потерпевшей развивается угрожающее жизни состояние, а спасти ее не удается ввиду отсутствия условий для оказания квалифицированной медицинской помощи, в том числе экстренной хирургической, реанимационной и интенсивной. И в судебной практике встречаются примеры совершения подобных действий специалистами хотя и с соответствующей профессиональной подготовкой, но в нарушение иных требований к проведению искусственного прерывания беременности.

Так, акушер-гинеколог К. в помещении частного медицинского учреждения ООО «И.» провела операцию по искусственному

прерыванию беременности потерпевшей Р., когда срок беременности составлял уже 16–16,5 недель. После операции у Р. открылось кровотечение, которое своими силами остановить не удалось. Только через шесть часов продолжающегося кровотечения К. дала указание о вызове врачей скорой медицинской помощи. Когда Р. везли в больницу им. Боткина, К., осознавая незаконность прерывания беременности на сроке свыше 12 недель без медицинских и социальных показаний, просила мужа потерпевшей сказать врачам скорой помощи о том, что срок беременности у его жены составляет 10–11 недель. При доставлении потерпевшей в ГКБ им. Боткина у нее уже имелись необратимые изменения в органах, отказали почки, она находилась в состоянии рефрактерного шока, которое было вызвано острой массивной кровопотерей. После принятых реанимационных мероприятий спасти жизнь Р. не удалось. Таким образом, прерывание беременности Р. на сроке беременности более 16 недель было проведено врачом К. в нарушение действующего законодательства, обследование перед проведением операции было неполное и не соответствовало общепринятым стандартам при производстве подобных операций в плановом порядке. Непосредственной причиной смерти Р. явилась острая кровопотеря вследствие гипотонического маточного кровотечения. Между прерыванием беременности врачом К. и смертью Р. имеется прямая причинно-следственная связь [5].

Таким образом, несмотря на то, что в судебном заседании было установлено, что смерть потерпевшей наступила в результате незаконного прерывания беременности, суд ввиду несовершенства действующей редакции ст. 123 УК РФ вынужден был признать К. виновной в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. А это повлекло назначение наказания в более мягких пределах.

Представляется, что декриминализацию незаконного прерывания беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, следует признать необоснованной, а в уголовный закон необходимо внести изменения, обеспечивающие надлежащую охрану репродуктивного здоровья женщин.

Литература

1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // *Российская газета*. – 2011. – № 263.

2. Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2012 г. № 98 «О социальном показании для искусственного прерывания беременности» // *Российская газета*. – 2012. – № 32.

3. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 3 декабря 2007 г. № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности» // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. – 2008. – № 9.

4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 14 октября 2003 г. № 484 «Об утверждении инструкции о порядке разрешения искусственного прерывания беременности в поздние сроки по социальным показаниям и

проведения операции искусственного прерывания беременности» // *Российская газета*. – 2003. – № 249.

5. Кассационное определение по делу 22-8587/2010 // *Московский городской суд*. URL: <http://www.mos-gorsud.ru/inf/infk/uk/?pn=0&id=5316300>.

6. Загуляев, А. Сокращен перечень социальных показаний для бесплатных аборт / А. Загуляев. URL: <http://www.diaconia.ru/news/sokrashhen-perechen-sotsialnykh-pokazaniij-dlja-besplatnykh-abortov/>.

7. Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (Гришаев С. П.) (подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2011). URL: <http://www.base.consultant.ru>.

8. Сакевич, В. И. Новые ограничения права на аборт в России / В. И. Сакевич // *Демоскоп*. – 2012. – № 527–528. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0499/reprod02.php>.

Горбатова Марина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск). E-mail: gorbatovam@mail.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series "Law"
2013, vol. 13, no. 4, pp. 44–48

**SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY
FOR ILLEGAL PERFORMANCE OF ABORTION**

M. A. Gorbatova
South Ural State University (Chelyabinsk)

The article deals with classification of illegal performance of abortion. Some problems in criminal prosecution for this crime are connected with inconsistency of statutes of criminal legislation as well as legislation in the sphere of healthcare. The article highlights the analysis of requirements applicable to operations on the basis of which features of illegal induced termination of pregnancy are revealed. Analyzing features of crime components of illegal performance of abortion and precedents in these cases the author comes to the conclusion that it is necessary to amend disposition of the article 123 of the Criminal Code of the Russian Federation, which deals with medicine terminology and expansion of a number of the subjects of the case, to achieve proper safety of women's reproductive health.

Keywords: illegal performance of abortion, criminal termination of pregnancy.

Marina Anatolievna Gorbatova – Candidate of Science (Law), Associate Professor of Criminal Law, Criminology and Criminal Penal Law Department, South Ural State University (Chelyabinsk). E-mail: gorbatovam@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 19 сентября 2013 г.